

дело с проектом, который не просто предлагает «рецепт» от трагического исхода цивилизационно-культурного «прогресса», но и пытается обратить внимание на скрытые механизмы «разворачивающейся драмы».

Размышляя о динамике европейской культуры, «путешествуя» по эпохам вместе с великими мыслителями, автор этой необычной книги не теряет своего лица – ни в стержневых идеях, ни в стиле их изложения. Представляется, что высвечивая одну из «королевских дорог, способных привести сегодняшнее общество к эффективному функционированию» (с. 201), А. О. Карпов ощущает себя наследником великих культурных эпох – со всеми их «высокими» и трагическими чертами. И – ответственным за будущее цивилизации, которое не может осуществиться без науки и образования.

**СТЕНОГРАММА ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО
ВЕБИНАРА «ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В ОБРАЗОВАНИИ
(исходные определения)»**

**TRANSCRIPT OF THE PHILOSOPHICAL-METHODOLOGICAL
WEBINAR «FORECASTING IN EDUCATION (THE INITIAL
DEFINITIONS)»**

7 февраля 2013 г. под руководством доктора педагогических наук, профессора, заведующего лабораторией философии образования Института теории образования и педагогики РАО, академика РАО Якова Семеновича Турбовского состоялся философско-методологический вебинар «Прогнозирование в образовании (исходные определения)».

Я. С. Турбовской: «Представляется целесообразным – для плодотворного начала дискуссии и избавления от необходимости в каждом выступлении повторять тождественные или близкие по смыслу формулировки – привести ряд определений понятий «прогнозирование» и «прогнозирование в образовании», раскрывающих их суть и целевую направленность в теоретическом и прикладном использовании.

Методологически исходным требованием для плодотворного дискуссионного обсуждения проблемы является не только формулировочная четкость определений, лежащих в основе отстаиваемой точки зрения, но и признание их сущностной адекватности или явных отличий от других определений.

Я не ставлю перед собой задачу перечислить все существующие определения понятий «прогнозирование» и «прогнозирование в образовании». И при этом все авторы и исследователи этой проблемы, если не учитывать отдельных аспектных отличий, его одинаково трактуют и определяют. К тому же никто не опровергает ничьей точки зрения, никто не отрицает фундаментальной значимости этой категории, и все они стремятся прояснить, как и благодаря чему ее целевая предназначенность может стать более продуктивной и реально значимой. И, следовательно, иссле-

довательская устремленность каждого из авторов и всех их вместе обусловлена только этой целью. При этом – что в данном случае принципиально – трактовка прогнозирования не только как части, но и одного из производных социального прогнозирования не только является общепризнанной, но и сущностно определяющей при решении любой задачи, связанной с прогнозом и в образовании. Точно так же, как и, к примеру, в экономике, социологии и т. д. И существующее (близкое к адекватности) единство в трактовке понятий «прогнозирование» и «прогнозирование в образовании» не только является исходной основой для современных исследователей, но и представляется методологически состоятельным и неопровержимым.

Но так ли это? И в поисках столь необходимых нам путей и возможностей существенного повышения прогнозирования в образовании является ли такая постановка вопроса не только возможной, как и в любой другой области социального развития, но и, в сути своей, методологически состоятельной и реально продуктивной?

И я специально заостряю эту сторону обсуждаемой нами проблемы как дискуссионную возможность не доказывать друг другу важность повышения эффективности прогнозирования в образовании, что само собой разумеется, а выявить какие-то другие содержательные и преобразующие потенциалы обсуждаемой проблемы. И может быть, этот неиспользованный резерв как раз и проявляется в специфической сущности самого образования, принципиально отличной от других сторон социального бытия?

Естественно, что такая постановка проблемы прогнозирования в образовании не ограничивает возможностей обсуждения любого ее аспекта и любой точки зрения, но в то же время ей, наверное, не имеет смысла отказать в праве на дискуссионное обсуждение.

И конечно, было бы очень хорошо, если бы нам удалось в коллективном обсуждении не ограничиваться только фиксацией недостатков прогнозирования в образовании, но и выдвинуть ряд вопросов, ответы на которые способствовали бы раскрытию путей его векторной направленности в современных условиях и реального повышения эффективности.

Я за собой оставляю возможность раскрыть в своем выступлении свою позицию и понимание особенностей прогнозирования в образовании, а значит, и принципиально другой трактовки понятия «прогнозирование в образовании».

Ю. Б. Алиев (д-р пед. наук, проф.): «Уважаемые коллеги! Я полагаю, что при обсуждении темы об искусстве мы можем рассматривать ее как отражение общей ситуации в образовании. До сей поры по-настоящему не анализировалось, зачем введено искусство в школу. Я уж не говорю об известных благоглупостях, что якобы искусство, если оно будет, введено как предмет в школу, то обязательно станет формировать в человеке высокие помыслы и т. д. Но это общие фразы, за которыми практически ничего не стоит. С другой стороны, такой крупный ученый, как Д. С. Лихачев, говорил об искусстве так: «сущность искусства в том, чтобы не договаривать и заставлять людей радоваться целому, а затем восхищаться внутренне этим целым как своей догадкой». С другой стороны – заметно, что нет конкретики в том, что может дать искусство. Традиционно счита-

ется, что искусство делает человека лучше. Но когда мы спрашиваем об этом артистов, деятелей искусства, они с этим положением не согласны. Все они считают, что искусство может сделать человека лучше – но на три минуты. Но есть и другая позиция, когда считается, что искусство – это искусно сделанная вещь, и даже необработанные материалы, необработанные предметы, простой механизм из палочек тоже могут быть произведением искусства. И для этого нужно, чтобы зритель увидел в нем символический смысл.

Но нас, педагогов, эти символические смыслы не могут интересовать хотя бы потому, что за ними не стоит вопрос ни эстетического, ни тем более художественного образования.

Итак, сегодня, в порядке прогноза: основная функция искусства в школе заключается в том, чтобы дополнить реальный жизненный опыт ученика упорядоченным опытом воображаемой жизни. Поэтому мы можем говорить сегодня, что искусство побеждает неупорядоченность природы, создавая систематизированную, вполне налаженную искусственную вторую природу.

Опора на личный художественный опыт в образовании может привести к тому – это тоже прогноз – что учащиеся смогут определять смысл собственного художественного образования».

А. В. Костина (д-р филос. наук, проф.): «Понятно, что прогноз – это нечто, устремленное в будущее. Мы должны понять, каким должно быть образование в будущем, чтобы соответствовать потребностям развития самого общества. Здесь нужно обратиться к истории и вспомнить, что в традиционном обществе образование выполняло очень много важных функций. В традиционном обществе образование выполняло систему адаптации к этой среде. Естественно, что появляются новые системы фиксации знания и новые системы его передачи.

Если мы обратимся к индустриальному обществу, когда интенсивно развивались технологии (это эпоха НТР), то можно поставить вопрос: какую функцию для будущего выполняет знание и система образования в это время? Образование нацелено на то, чтобы позволить человеку овладеть навыками, технологиями и позволить ему наиболее точно выполнять его функцию как человека, который производит что-то конкретное. Наконец, в эпоху постиндустриального общества (или информационную эпоху) знание тоже успешно изменяется. Что происходит сейчас? Что является основой адаптации человека к среде? Опять же, овладение знанием и информацией.

Получается, что знания и информация в любую эпоху выполняют одну и ту же функцию: адаптируют человека к тем условиям, в которых он находится. Далее. Какой сегодня является среда? Среда отличается изменчивостью, сложностью, многообразием, нелинейными связями. Получается, что простое увеличение количества знаний, которыми обладает человек, скорее негативно. Потому что при этом можно говорить уже не об образовании, а об информированности, которая с образованием полной корреляции не имеет. На самом деле, для информационного общества задачей становится установка на постоянное обучение в течение всей жизни. Человека нужно адаптировать к новой технологической среде таким

образом, чтобы он умел не просто воспринимать знания, а мог сам производить знания и умел знание это искать.

И следующий тезис: сегодня знание должно выполнять функцию собирания, формирования социальной солидарности, национальной культуры. Образование должно формировать национальное единство. Любой человек в государстве, независимо от его этнической принадлежности, от системы ранней социализации, должен обладать единой основой знаний, единой трактовкой понимания этого знания».

Я. С. Турбовской: «Спасибо, Анна Владимировна! У нас к Вам будут вопросы».

Ю. Б. Алиев: «Для Вас ключевое “прогностическое” слово – “адаптация”. А где все-таки опора на художественное творчество, ибо само слово “образование” идет от слова “образ”, или Вы считаете, что это – не главное?»

А. В. Костина: «Образование – это формирование целостной личности, и в том числе, художественное образование. Это целый комплекс воздействия на человека, взаимодействия человека как субъекта и объекта образования».

Я. С. Турбовской: «Анна Владимировна! Вы употребляете три термина: “образование”, “знания” и “адаптация”. Причем “знания” и “образование” Вы употребляли синонимически. Сами знания адаптируют или нужно что-то делать, чтобы знания адаптировали?»

А. В. Костина: «Идея была такая: что образование выполняет функцию функцию адаптации человека к среде. Мы понимаем, что образование является и фактором социального расслоения, фактором социальной сегрегации общества, а также фактором интеллектуального развития, технологического развития, художественного развития общества».

Я. С. Турбовской: «Разве мы не знаем случаев, когда образованный человек оказывается неприспособленным к жизни?»

А. В. Костина: «Яков Семенович, Вы абсолютно правы. Бывают и такие случаи. Более того, если мы возьмем гениев, таких как Кант, Фрейд, то это люди, которые были очень образованными, но они были абсолютно не социализированными. Не надо смешивать понятия “адаптации” и “социализации”. Они были не социализированными, и это было нормально и правильно, потому что гений – это тот, кто видит мир совершенно иначе. Его отношения с миром очень сильно отличаются от отношения с миром других людей. Поэтому, говоря об адаптации, я имею в виду совершенно конкретных людей, которые нас окружают, и здесь образование является, на мой взгляд, лучшим способом их адаптации к окружающей действительности».

Л. А. Григорович (д-р псих. наук, проф.): «Психологи разных научных школ сходятся в том, что прогнозирование – это универсальный механизм. Человек не может не прогнозировать. Для нас важнее в контексте сегодняшнего разговора обсудить то, что уже накоплено психологической наукой, что позволяет нам понять, как мы это делаем – для того, чтобы на это влиять. Кроме того, мы говорим не просто о прогнозировании, а о прогнозировании в образовании. С этих позиций принято разделять в прогнозировании две основные формы: предвидение и целеполага-

ние. Но если предвидение в большей степени предполагает, что субъект является наблюдателем, то целеполагание – это форма активного прогнозирования. Есть смысл говорить не о прогнозировании вообще, а о целеполагании, в частности. Чтобы цель действительно стала мотивом этого преобразования, она должна быть лично принята. Очень часто в работах по педагогическому прогнозированию мы встречаем мысль о том, что цели учителей и цели учеников расходятся. Ведутся исследования на предмет возможного совпадения или, по крайней мере, пересечения этих целей. Важно найти не только какую-то цель, которая могла бы мотивировать ученика и, тем самым, определять, то есть прогнозировать, его развитие. Поэтому возникает вопрос об ответственности за формирование такого прогноза, такой цели. Еще стоит заметить, что при прогнозировании очень важно разделять ожидание результата и ожидание эффективности. Не только сама цель, не образ этой цели, но и способность к прогнозу важно применять (речь идет о способности человека анализировать собственные ресурсы для достижения этой цели)».

О. В. Долженко (д-р филос. наук, проф.): «Уникальность современной ситуации заключается в том, что наступил принципиально новый этап развития образования, когда нужно переосмыслить все то, что мы делали, в контексте тех вызовов, которые стоят перед нами. Сегодня мы впервые готовим людей к жизни, о которой сами не имеем никакого представления. Им самим придется определяться, а определяться они смогут в том случае, если они будут образованными людьми, способными вносить в этот хаос свой упорядоченный образ, организовывать его. Вот почему искусство так важно. Оно организует, придает смысл. Начинать нужно с определения. «Образованность – это результирующая пути, который проходит человек в свете определенного идеала, преодолевая обстоятельства и возвышаясь над ними».

Мы вступили в новую эпоху, когда темпы перемен становятся очень высокими. Мы не можем ориентироваться на старые знания. Институт образования переходит в новый статус, становится институтом развития человека, способного работать с принципиально новыми знаниями и оформлять их в соответствии с собственными нравственными основаниями, ценностями и т. д.

Я представил свое видение образованности, а теперь хочу сказать несколько слов о культуре. Следует вести речь о новой модели образования, которая будет строиться в иной социокультурной парадигме, развивающей социальность человека и обеспечивающей продуктивную способность понимать и воспринимать смысл происходящего».

Вопрос слушателя: «Как Вы понимаете сегодня в прогностическом плане понятие “духовность”? Ибо в досоветское время духовность обозначала приобщенность человека к религии, в советское время (в трудах Сухомлинского, к примеру) духовность обозначала богатство внутреннего мира ученика и человека».

О. В. Долженко: «Для меня “духовность” – это своего рода расстояние между мной и идеалом. Я не считаю правильным, что сегодня уделяется очень много внимания вопросам формирования новой теологии. Вводить курс православия – это совсем не то, что нужно. Таким образом, речь

идет о сочетании реального, прогностического и перспективного. Мы должны реагировать на вызовы из будущего, а не только на проблемы сегодняшнего дня».

Я. С. Турбовской: «Уважаемые коллеги, теперь я позволю себе взять слово, и очень бы хотелось, чтобы вы внимательно и критично отнеслись к тому, что я скажу. Но сначала считаю необходимым отметить, что любой конструктивный разговор начинается с определений. Они позволяют понять, как движется современная мысль, что особенно актуально в проблеме прогнозирования, а что исследователи игнорируют.

Когда мы обсуждаем проблему прогнозирования в образовании, то мы должны понять, что существует два термина: “прогнозирование” и “прогнозирование в образовании”. Если мы их трактуем синонимически, то мы или не понимаем, или не признаем исключительности сферы, которую называем “образование”. И для этого нам важно признать, что как только мы обращаемся к проблеме использования или получения знаний, то наша познавательная устремленность направлена либо в настоящее, либо в прошлое, либо в будущее. При этом нам кажется, что к прошлому и настоящему достаточно легко обращаться, а прогнозировать очень трудно. Но в действительности, судя по результатам, это не совсем так. И в прошлое, и в настоящее, если и не так же трудно сущностно проникать, то, по крайней мере, совсем не просто и не легко. Это неопровержимо доказывается хаотичной и несводимой противоречивостью достигаемых обобщений и выводов. И сам факт объективно наличествующего признания несопоставимости трудностей проблемы прогнозирования с проблемами настоящего и прошлого самым убедительным образом свидетельствует об отсутствии методологического осмысления этого признания как исследовательского феномена.

И в нашем разговоре о прогнозировании важно понять, чем принципиально отличается обращение к прошлому и будущему, и, следовательно, что дает нам обращение к прошлому и к будущему. Прошлое и настоящее как содержательная основа прогноза, как состоявшаяся и не только наличествующая, но и, в определенной степени, обобщенная практика, позволяют нам сохранить то, что есть, воспроизвести то, что есть. Прогнозирование – совсем другое дело. В этом случае мы имеем дело не со знанием, не с опытом, а с предположением, что будет (и будет ли вообще) с образованием и в образовании. Так проявляет себя логика, с позиций которой решается проблема прогнозирования. Но, как представляется, распространенные общенаучные методы, с помощью которых делаются прогнозы развития социума, не подходят для прогнозирования образования. Почему? По простой, но очевидно неопровержимой причине. То, что мы сегодня стремимся в виде целей и учебных программ достичь в образовании, не появится – не может и не должно появиться – ни завтра, ни послезавтра, а только спустя годы. Но при этом – в отличие от любого другого социального прогноза – должно обязательно появиться, и не в качестве предсказанной достоверности прогноза, а как результат целенаправленной деятельности. И, таким образом, любое судьбоносное для развития образования решение, любая учебная программа, учебный предмет и учебник – по природе своей являются реальным воплощением прогноза. Причем не

только в сущностном смысле этого понятия, но и в системном обеспечении его достоверности и гарантированной достижимости. Ибо из области предположений, наличествующей совокупности аргументов и пр., прогноз в образовании изначально предстает в виде четко и однозначно сформулированных целей. И именно эта имманентная тождественность практической цели и прогноза исключает самую возможность (а точнее, требует исключения самой возможности) трактовать прогнозирование в образовании как составную часть общенаучного прогнозирования.

Непонимание этих фундаментальных различий и позволяет говорить (что неоправданно) о синонимичности «прогнозирования» и «прогнозирования в образовании». И тем самым не только не принимается во внимание это сущностное отличие, но и игнорируется ни с чем не сравнимая ответственность административных решений: учебных программ, планов, пособий, одобренных и действующих сегодня. То, что мы сегодня вкладываем в программу, является обязательным прогнозированием, влияния которого социуму не избежать. И если программа плохая, если учебник никуда не годится, и, тем более, если историческая востребованность конкурентоспособной личности не воплощается в содержании и методах учебно-воспитательного процесса, то откуда и как в реальной действительности возникнет такой выпускник школы? Субъектом образования, способным самостоятельно, творчески реализоваться, видящим свое гражданское предназначение в органическом слиянии личных и общественных интересов в одночасье никто не становится.

В этой связи возникает методологически чрезвычайно значимая совокупность проблем, связанная с нашим отношением к прошлому, настоящему и будущему, от которой зависит исторически востребованный уровень эффективности функционирования и развития отечественного образования. Наша привязка к прошлому и настоящему, в конечном итоге, при всех возможных исключениях, означает, что даже прогнозируя, мы в первую очередь хотим обеспечить для отечественного образования выполнение им социальной роли в том числе и в будущем, то есть сохраняя его «статус кво». Изначально программно-целевая привязка к будущему означает, что мы ставим себя в ситуацию системной обеспокоенности обеспечением исторически востребованного уровня поступательного развития системы отечественного образования. А из такой цели, трактуемой как состоявшийся прогноз, возникает принципиально другая совокупность требований, которые необходимо выдвигать перед каждым принимаемым решением, каждой создаваемой учебной программой, учебником и всей совокупностью установок, определяющих функционирование учебного учреждения не только как учебного, но и социально формирующего пространства. И в данном случае в это исторически новое время, каким бы оно ни оказалось, войдет личность, способная не только реализоваться в адаптивно-привычных и требующих шаблонных ответов и решений условиях, а наоборот – обладающая сформированной готовностью к творческой и волевой самореализации, что и является требуемым в условиях глобализации прогностическим вкладом отечественного образования в будущее нашей страны. И именно из этого утверждения вытекает столь важный для всех нас вывод: то, что мы заложим сегодня в содержатель-

ную основу системы отечественного образования, и будет адекватным отражением нашего понимания отличительной сущности «прогнозирования в образовании».

Но есть необходимость остановиться, когда идет речь о «прогнозировании в образовании», еще на одном чрезвычайно значимом моменте. Мы, к сожалению, не до конца осознаем, что вовлечены в процесс мировой глобализации. А ведь это значит, что сегодня мы напрямую, на всех уровнях, вынуждены вступать в интеллектуально-творческие соревнования. Сегодня только та страна, которая выдержит эту конкурентную соревновательность, сможет доказать свою историческую состоятельность. И разумеется, страна, не имеющая своего соответствующего «интеллектуального багажа», не сможет этого обеспечить. Поэтому проблема обращения к будущему есть проблема целенаправленного формирования интеллекта общества, формирование рефлекторной готовности личности к системному осмыслению действительности во всей ее социальной противоречивости. И поэтому основная проблема образования заключается в том, чтоб научиться видеть в аналитической рефлексии возможность прогнозируемой готовности жить, защищать свои убеждения и действовать во времени, называемом «будущее». И поэтому социально симптоматичен сам факт нашего философско-методологического обсуждения проблемы прогнозирования в образовании».

Вопрос: «Я понимаю образованность как результат того опыта, того пути, который проходит человек (с позиций определенного идеала), преодолевая обстоятельства, возвышаясь над ними, принимая на себя ответственность за свои собственные решения. То есть образование начинается тогда, когда есть самоопределение личности. Образовательный институт – это не поезд, который везет человека от станции *А* до *Б*, это процесс постоянного самоопределения».

Я. С. Турбовской: «Я бы с вами согласился, если бы не был уверен, что человека как абстрактного понятия не существует. Существует ребенок, подросток, юноша. Выступая перед антропологами, я сказал, что злейшим врагом педагогики является антропология. Это она пользуется несущественной для педагогики абстракцией «человек». Проблема заключается в том, что отношения в образовании – это и субъектно-объектные, и субъектно-субъектные отношения. Учитель несет ответственность за то, что происходит в классе.

Я в своей последней работе заявляю, что жизнь – это расстояние между рождением и смертью. И забота социума должна состоять в том, как это время проживается. То есть человек живет в определенное, отнюдь не абстрактное время. Не бывает «вообще человека», не бывает «вообще личности», поэтому проблема и заключается в том, чтоб мы понимали, какие ценности из прошлого нам поддерживать, на какие ценности нам опираться, какие представления нейтрализовать. Сегодня идет разгул вульгарного экономизма. Разве мы не знаем из того, что писалось о капитализме, какой ужас несет с собой капитализм? Проблема и заключается в том, чтобы мы ни в коей мере не отказывались от своего культурного наследия, чтобы мы понимали: если мы хотим соревноваться с передовыми западными странами, то должны интеллектуально побеждать, а не по-

вторять то, что они нам навязывают. Мы никого не можем вести за собой, не понимая, чего мы хотим. И если мы не способны понять, что делать завтра, какими ценностями руководствоваться, то это образованию отнюдь не поможет. Образование – фундаментальная основа создания нашего будущего. Оно образовывает и людей, и общество, и государство и, тем самым, образовывает само будущее».

Н. В. Наливайко (д-р филос. наук, проф.): «Я бы хотела говорить об очень конкретных вещах в нашей прогностике в области образования. Но сейчас Вы, Яков Семенович, вдохновили меня высказать свою точку зрения по поводу самого факта прогнозирования, потому что в последнее время пошла лавина прогнозов, которую трудно воспринять и понять. Например, только что в Красноярске наши красноярские коллеги опубликовали огромный труд по исследованию высшей школы. Но когда встречаешься на семинарах с нашими педагогами и организаторами учебного процесса, становится понятно одно: о каких прогнозах можно говорить, когда у нас сейчас идет полное несоответствие системы образования – а может, наоборот, соответствие – социально-экономическому развитию. Как можно вообще говорить о системе прогнозирования образования, когда есть острейшие проблемы в экономике, в социальной сфере, и прежде всего – всепроникающая коррупция. Происходит это потому, что нет четкости в эпистемологическом контексте. Мы еще не договорились, как трактовать прогноз и прогнозирование в образовании. Я внимательно ознакомилась с Вашим выступлением, мне кажется, что это определение – та основа, на которую можно опираться для того, чтобы работать в этой схеме.

Прогнозирование образования подразумевает исследование назревших проблем путем экстраполяции наблюдаемых тенденций, закономерностей развития, которые в прошлом и настоящем достаточно хорошо известны. Необходимо определение путей решения данных проблем через нормативную разработку и оптимизацию вышеупомянутых тенденций. Мне кажется, это исследовательски продуктивное определение, которое, образно говоря, будет “работать”.

В то же время говорить о системе развития образования в отрыве от социальной и экономической сферы весьма непродуктивно, поскольку именно в таком контексте становится понятно, что будет с нашим образованием в ближайшее время. Здесь я не буду говорить о сценарных условиях социально-экономического развития России до 2030 г., поскольку это обсуждалось уже не раз. Я сегодня хочу поговорить о конкретных фактах, которые настораживают.

Сегодня весь прогноз развития образования связан с пониманием современной экономической модернизации, которая идет за счет импортных технологий. Нужен поворот к решительным экономическим действиям, к направляемым на развитие знаниевой экономики, что предъявляет совершенно особые требования к системе образования. Концепции современного экономического развития России, ориентированные на знания, подразумевают не только качество знания (причем не только фундаментального знания), но и приоритетное развитие человеческого капитала. Очень важно сегодня усиление ответственности бизнеса в деле развития системы образования. Об этом сегодня мы еще не говорили.

Далее, на пути к такому положению дел возможны предсказуемые процессы, касающиеся интеграции отечественной системы образования в мировую систему. Вот на что я хотела бы обратить внимание. Осенью 2010 г. на конгрессе по сетевым товарам были изложены основные положения концепции наднационального регулирования допуска транснациональных компаний к природным ресурсам суверенных государств. Россия взяла на себя обязательства по 116 видам услуг. Произошло существенное изменение как режима, так и степени доступа иностранных компаний на российский рынок – в сфере страхования, финансов, телекоммуникаций и образовательных услуг. Остановлюсь подробнее на образовательных услугах. Можно не без основания предположить, что российских специалистов будут учить и воспитывать иностранные преподаватели.

Эта идея подтвердилась в январе 2013 г. на Гайдаровском форуме, где звучали долгосрочные прогнозы развития образования. Ректор НИИ «Высшая экономическая школа» Кузьминов спрогнозировал в перспективе вытеснение отечественных институтов иностранцами, в том числе университетами из Сети, работающими в глобальном масштабе. Он подчеркнул, что уже сегодня в Гарварде выкладываются версии лекций онлайн, с которыми совершенно спокойно можно ознакомиться, находясь в России. И вскоре каждая страна сможет опираться не на национальную образовательную систему, а на глобальную. Считается, что в конце 2020 г. Интернет преодолет языковые барьеры и будет полностью решена проблема перевода с иностранных языков. И вот такой прогноз, по моему убеждению, делает проблематику прогнозирования очень актуальной. Встает и другой вопрос: о безопасности образовательного пространства. Что касается усиления ответственности бизнеса в деле развития системы образования, то сегодня следует активнее разрабатывать данную проблематику. Если в России будут развиваться высокотехнологичные и наукоемкие производства, то, безусловно, возникает спрос на новые разработки, результаты интеллектуальной деятельности. Соответственно, рынок для этих людей и технологий будет существенно расширяться, а количество бюджетных инвестиций непременно будет увеличиваться. Будет отличным результатом, если к 2020 г. государство и бизнес смогут финансировать науку в соотношении 50/50. А сейчас у нас 65 на 35 в пользу бюджета соответственно. То есть государство должно будет давать деньги для достижения конкретного научного результата. Для этого нужно развивать кадровый потенциал и привлекать молодежь в науку, обеспечивая устойчивые перспективы.

Все эти проблемы рассматриваются в серии монографических работ, объединенных одной тематикой, которая так или иначе относится к философии образования. Например, исследование Л. П. Загорюлько «Языковое образование в современных условиях: социально-философский анализ»; монография «Тенденции развития современного образования: социально-философский анализ», а также «Качество современного образования». Перечисленные книги, так или иначе, затрагивают прогностические вопросы».

С. В. Камашев (канд. филос. наук): «Судя по тому, что сегодня говорилось, прогностическая функция играет важную роль и в обеспечении

безопасности образования и образовательного пространства. Даже в последних событиях, связанных с обсуждением закона об образовании, проявилась прогностическая функция. Потому что народ прочитал проект закона, специалисты и ученые его прочитали и сделали прогностические выводы о том, что в этом плане закон не будет работать так, как он должен работать на государство. Именно благодаря прогностической деятельности некоторые положения были изменены.

Главная причина того, что образование стоит не на первом месте – отсутствие сиюминутных выгод от образовательной сферы. Если сравнить экономику и образование, то в экономике мы получаем конкретный результат от проведения каких-то действий. В образовании же речь идет о долгосрочной перспективе. Именно из-за того, что в наше время рынок превалирует в общественных отношениях, когда образование, к сожалению, становится услугой на этом рынке, получается так, что неполучение сиюминутной выгоды от образования, а получение его только в перспективе, не позволяет уделить достаточное внимание образованию. Хотя именно в образовании закладываются все те качества человека, которые в дальнейшем он может реализовать, работая как гражданин-патриот на государство. Решение вопроса о безопасности образования во многом можно осуществить на основе прогностических функций».

А. В. Пугачев: «Прогнозирование в сфере образования нельзя рассматривать в отрыве от прогнозирования социологического, политического, правового и т. д. Поскольку результаты будущих познаний явлений в указанных сферах являются основой педагогического прогнозирования. Подобное комплексное прогнозирование составляет исследование прогнозного фона, на основе которого можно делать более конкретные прогнозы практическим способом. Недооценка прогнозирования во взаимодействии социальных институтов образования и права обусловила появление существенных противоречий между этими социальными институтами и, как следствие, ослабление образовательной идеологии.

Отсутствие адекватной политики государства в области образования повлекло за собой возникновение ситуации, при которой декларируются значимые перспективы, а обосновывается и обеспечивается (в том числе и правовыми средствами) решение частных задач, зачастую несущих конъюнктурный характер. Непонимание социологических, культурологических и иных аспектов и явлений также обуславливает принятие неадекватных правовых решений, неуспешность предпринимаемых государством мер и, как следствие, возникновение протестных явлений. Что касается протестных явлений, то речь идет здесь о тех, что связаны с кампанией Министерства образования и науки по определению эффективности вузов и их реорганизации».

Л. П. Загорулько: «Глобализация стала причиной воздействия на расстоянии. Это означает, что социальные процессы и отношения распространяются как в условиях огромных географических расстояний, так и в условиях социальных и культурных различий. Следовательно, репрезентация этих отношений и явлений в дискурсе становится очень важной для поддержания определенного мирового порядка. В современной жизни общества происходит значительный рост интереса к языку. В связи с этим

особую значимость приобретают проблемы языкового образования. Происходящие в обществе глобальные политические, экономические, культурные и миграционные процессы подразумевают изменение отношения к языковому образованию. Языковое образовательное пространство должно быть организовано таким образом, чтобы в нем отражалась языковая политика, которая, с одной стороны, должна способствовать укреплению позиций родного русского языка, так как с вырождением языка происходит духовное обнищание и вырождение нации, а с другой стороны – содействовать развитию других языков, с учетом специфики реальной языковой ситуации в мире».

Я. С. Турбовской: «Уважаемые коллеги! Мы выслушали друг друга, и каждому из нас есть над чем подумать. Хочется надеяться, что в ваших исследованиях эта проблема найдет свое дальнейшее развитие. Следующей темой нашего семинара будет “Современное состояние дидактики и ее развитие в современных условиях”. Если кто-то из вас претендует на выступление с докладом, сообщите об этом, мы включим вас в программу. Кроме того, если вы считаете нужным представить вопрос для обсуждения, предлагайте. Всем огромное спасибо. Всего вам доброго».